

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: КОЛЛИЗИИ XXI ВЕКА

Виктор Ларин

ФЕВРАЛЬ 2015

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

**ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ: КОЛЛИЗИИ
XXI ВЕКА**

Виктор Ларин

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2015

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Китайский фактор	6
Японский фактор	8
Проблема Корейского полуострова	10
Тихоокеанская Россия	11
Заключение	13
Примечания	17
Московский Центр Карнеги	19

Об авторе

Виктор Ларин — доктор исторических наук, профессор. С 1991 г. работает директором Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. С 1974 по 1991 гг. являлся преподавателем, а в 1986—1991 гг. также и деканом восточного факультета Дальневосточного государственного университета.

В. Ларин является почетным доктором Института России, Восточной Европы и Средней Азии (Пекин) Академии общественных наук КНР, а также почетным профессором Цзинаньского университета (КНР). Он неоднократно стажировался и выступал с лекциями в ведущих университетах и научных центрах Китая, США, Японии и других государств.

В. Ларин — член Президиума Дальневосточного отделения РАН, председатель Объединенного совета по гуманитарным наукам при Президиуме ДВО РАН. В. Ларин — главный редактор академического журнала «Россия и АТР», заместитель главного редактора журнала «Вестник ДВО РАН», член редколлегии ряда научных журналов, ответственный редактор информационно-справочного бюллетеня «У карты Тихого океана».

С 2010 г. он является председателем Приморского отделения Общества российско-китайской дружбы.

Автор 9 книг и около 200 статей.

Краткое содержание

Несмотря на критическое повышение значимости Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в современном мире, в российско-американских отношениях этот регион имеет мизерное значение. Логика холодной войны во многом мешает осознанию ущербности данного обстоятельства как в Вашингтоне, так и в Москве. Перенос акцента в двусторонних отношениях на решение актуальных проблем АТР и выстраивание трехстороннего диалога Россия — КНР — США может стать не только важным условием нормализации российско-американских отношений, но и инструментом обеспечения безопасности всего региона.

Ключевые темы

- Тихоокеанский вектор отношений между Россией и США развит слабо. Обе стороны строят свою политику в регионе больше в глобальной и европейской проекциях, чем в азиатско-тихоокеанской. Низкий уровень взаимного интереса местного населения, властей и бизнеса и отсутствие поддержки со стороны Москвы и Вашингтона обусловили малый масштаб взаимодействия между тихоокеанскими территориями двух государств.
- Интересы и политика государств АТР, прежде всего Китая, которые сталкиваются вокруг векторов развития как всего региона, так и тихоокеанской России, оказывают все большее влияние на формирование тихоокеанских стратегий США и России.
- Одним из следствий обострения российско-американских отношений стали сближение позиций Москвы и Пекина в деле создания новой системы безопасности в АТР, углубление их межрегионального взаимодействия и согласие России на участие Китая в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Рекомендации

- Опыт истории и логика глобального развития подсказывают необходимость переноса центра тяжести в российско-американских отношениях с европейского направления, отягощенного грузом застарелых

проблем, на тихоокеанское. Основой взаимодействия Москвы и Вашингтона должен стать выбор неконфронтационных проблем и поиск компромиссных решений, способных обеспечить мир и развитие Восточной Азии и АТР.

- Центральным вопросом современной повестки дня на Тихом океане является обеспечение безопасного развития региона во всех его измерениях. Единственной надежной платформой для выработки безопасного курса такого развития может стать трехсторонний диалог России, КНР и США, составленный на разных уровнях и в различных форматах. Оптимальной площадкой для такого диалога в силу географических и исторических причин является Владивосток. Будучи регулярным, подобный диалог откроет путь для создания структур и режимов поддержания безопасности, предотвращения возникновения традиционных и невоенных угроз, борьбы с природными и техногенными катастрофами.
- Стороны не исчерпали возможности обмена позитивным опытом внутреннего развития. Американский опыт децентрализации власти и бизнеса — это приемлемый формат обеспечения ускоренного развития тихоокеанской России. Многовариантность развития и проявления гражданского общества, механизмы взаимоадаптации европейских и азиатских этносов и культур, сглаживание межнациональных противоречий — темы, актуальные не только для России, Китая, государств Корейского полуострова, но и для Соединенных Штатов.

Введение

Азиатско-тихоокеанская составляющая российско-американских отношений хотя и насчитывает уже два столетия, но большим перечнем запоминающихся событий не отличается. Далекое не все даже могут вспомнить такие исторические вехи, как продажа Россией Аляски Соединенным Штатам (1867 г.), американская военная интервенция на Дальнем Востоке России (1918—1920 гг.), поставки по ленд-лизу через Тихий океан в годы Великой Отечественной войны, союзничество в войне против Японии (1945 г.), косвенное вооруженное противоборство в ходе Корейской (1950—1953 гг.) и Вьетнамской (1965—1973 гг.) войн. Более того, тихоокеанская составляющая всегда находилась в тени глобальных и европейских проблем, вокруг которых в XX столетии преимущественно сталкивались интересы России и США.

Закономерно, что и сегодня отношения между двумя странами на Тихом океане по сути не имеют самостоятельного оформления. Их экономическое значение мизерно¹, а исторически доминировавшая военно-политическая составляющая почти сошла на нет. В результате эти отношения пульсируют преимущественно вокруг нескольких сложившихся во второй половине XX в. глобальных и региональных тем и проблем: противостояния на Корейском полуострове, отношений США с их азиатскими союзниками, «китайского вызова». События последних лет показали, что провозглашенная в 2011 г. «перебалансировка» Вашингтона в сторону Азии и обозначившийся примерно в это же время «восточный поворот» Москвы не сопровождаются укреплением тихоокеанского вектора в российско-американских отношениях. Характерно, что Украина в этих отношениях играет на данный момент более важную роль, чем Китай. Процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, оказывают на взаимоотношения Москвы и Вашингтона преимущественно опосредованное воздействие, степень этого воздействия откровенно невелика, да и в целом обе стороны по-прежнему воспринимают свои отношения в Азии больше в глобальной или даже европейской проекции, чем в азиатско-тихоокеанской.

Главным фактором, определяющим нынешнюю ситуацию в АТР, является курс Пекина на «восстановление исторической справедливости»:

«национальное возрождение Китая» («китайская мечта»), возвращение ему статуса государства номер один в регионе, обретение им роли композитора и дирижера восточноазиатской политики и архитектора новой региональной структуры безопасности.

Последовательные шаги Токио в утверждении самостоятельной внешней политики на основе постепенного отказа от унижительных (с точки зрения японцев) условий послевоенного устройства мира и ограничений на укрепление военного потенциала страны (ст. 9 Конституции Японии), особенно актуальные в свете роста мощи, амбиций и претензий со стороны Китая, также играют свою роль.

Сравнительно более слабым фактором являются импульсы, идущие с Корейского полуострова. Но они также существенны. С одной стороны, это стремление Сеула к большей самостоятельности и независимости от Вашингтона в региональной политике, выработка им стратегии собственного развития, осторожная и даже деликатная — в отличие от Вашингтона — политика в отношении КНДР. С другой стороны, это очевидное, хотя и вызывающее немало вопросов укрепление режима Ким Чен Ына в Пхеньяне. На этом фоне остальные члены «шестерки» демонстрируют разобщенность подходов к решению северокорейской ядерной проблемы.

Нельзя не отметить также медленный, но поступательный рост интереса стран Юго-Восточной Азии к Северной Пацифике, обусловленный меняющейся экономической конъюнктурой в регионе, реконструкцией и созданием новых транспортных и логистических путей (северный морской и «новый шелковый» пути), наличием нераспределенных ресурсов, перспективных рынков и острых межнациональных противоречий.

Наконец, общий фон создается возрастанием экономической, политической и социальной значимости восточноазиатской сферы международной политики как в глобальном, так и в региональном измерениях.

Сегодня есть немало свидетельств того, что цели Белого дома на Тихом океане как минимум не находят поддержки и понимания со стороны Кремля, и наоборот. В результате расшатывается и без того узкая платформа конструктивного взаимодействия двух государств в Азии. Алгоритм поведения Москвы на Тихом океане, как и в мировой политике вообще, во многом определяется ее твердым нежеланием более играть по правилам, установленным США и Европой. Высокая степень напряженности в европейских делах автоматически побуждает Москву искать альтернативы и шансы в Азии, тем более что американская политика в этом регионе напрягает ее незначительно. Основным оппонентом Соединенных Штатов в Азии сегодня выступает Пекин, который стремится заручиться поддержкой со стороны Москвы. Прямые угрозы интересам России со стороны США в этом регионе не просматриваются, косвенные не критичны, возможности экономического взаимодействия минималь-

ны. Даже незавершенное территориальное разграничение в Беринговом проливе не очень волнует российскую столицу.

В России, как представляется, еще не созрело понимание необходимости выстраивать отношения с США на Тихом океане. Да и делать это непросто. С одной стороны, Кремль до сих пор не может предложить внятной трактовки собственной тихоокеанской политики. С другой — Москве непонятны цели и приоритеты Вашингтона в регионе. Впрочем, не только Москве. Как образно выразился недавно ведущий американский эксперт по АТР Дуглас Х. Паал, «США выглядят как страна, постоянно переживающая из-за очередного камешка, что попал ей в ботинок, — будь то Эбола, “Исламское государство” или Украина, — но не знающая, по какой дороге она идет»². И в целом прагматичная, импульсивная внешняя политика Вашингтонской администрации, отмеченная серией провалов на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и в Африке, ее откровенная неспособность выстраивать прагматичные отношения с Китаем и утрата ею способности единолично формировать основные векторы развития международных отношений в АТР, ограничивает возможности конструктивного диалога США с Россией.

Азиатско-тихоокеанская стратегия Вашингтона сегодня четко ориентирована на устранение существующих и предотвращение новых угроз интересам и безопасности США в АТР, сохранение настойчиво расшатываемого Китаем «регионального стратегического баланса», расширение и углубление экономического присутствия (через развитие Транстихоокеанского партнерства на принципах свободной торговли) и военно-политического доминирования в регионе. В такой повестке дня Россия для Белого дома — не более чем досадная помеха в выстраивании «правильных» отношений с Китаем и решении (в нужном для него русле) ядерной проблемы Северной Кореи. В списке тихоокеанских приоритетов США она не представлена и в лучшем случае воспринимается как побочный фактор, который необходимо принимать во внимание при решении региональных и изредка глобальных проблем. Априори предполагается, что Москва может лишь опосредованно и преимущественно негативно влиять на реализацию этих целей, прежде всего через ее отношения с третьими странами. Корейский полуостров — одна из таких проблем, на примере попыток решения которой очевидная необходимость сотрудничества не приводит к заметным результатам.

Очевидно, что вплоть до возникновения в 2014 г. конфликта на Украине главными причинами умножения стратегического интереса Москвы и Вашингтона к Азиатско-Тихоокеанскому региону были рост мощи и повышенная военно-политическая и экономическая активность Китая в Азии и на Тихом океане. Настойчивое стремление Пекина утвердить свои экономические позиции на восточной окраине России (в Забайкалье и на Дальнем Востоке) и озабоченность этим его азиатских соседей

и экономических конкурентов — Токио и Сеула — стали поводом для Вашингтона обратить пристальное внимание на события в этом районе. Таким образом, на протяжении 2000-х годов поведение Китая оказывало определенное влияние на развитие российско-американских отношений, причем не только в региональном, тихоокеанском, но и в глобальном измерении. Резкое обострение этих отношений в начале 2014 г. повлекло существенное повышение значимости «китайского фактора» в отношениях между Москвой и Вашингтоном, а также в глобальной политике в целом. Более того, оно заставило Пекин обозначить свой стратегический выбор, который оказался в пользу России.

Китайский фактор

Треугольник Россия — КНР — США, о котором немало рассуждают в последнее время, еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов превратился в иллюзию. Он существует лишь в теоретических построениях. Реальные отношения пульсируют в парах Россия — КНР, Россия — США, КНР — США. Ни одна из сторон в полной мере не доверяет другой, хотя уровень взаимопонимания и доверия между Москвой и Пекином неизмеримо выше, чем между каждой из этих двух столиц и Вашингтоном. Ни Пекин, ни Москва не пытаются разыгрывать карту США в отношениях друг с другом, в то время как в американских СМИ существует много спекуляций, которые в России и КНР толкуют как нацеленные на вбивание клина между Китаем и Россией. Отношения между тремя государствами строятся на двусторонней основе, любые попытки сформировать реальный, а не виртуальный альянс двух против третьего крайне опасны глобальными последствиями и в конечном счете обречены на неудачу.

Поддержание равновесных отношений между всеми тремя партнерами невозможно хотя бы по причине разных основ их двусторонней близости (экономической — между Китаем и США, геополитической — между Китаем и Россией, военно-стратегической — между Россией и США) и явного намерения Пекина кардинально изменить баланс сил и правила игры в регионе.

Россия давно отказалась стать потенциальным союзником и партнером США в борьбе с «общей угрозой» — усилением Китая. Этот вариант был возможен в 1990-х годах, когда Москве была совершенно непонятна китайская версия внешней политики и внутреннего развития, в российском обществе существовали большие иллюзии в отношении намерений и политики США, а мысли о «китайской угрозе» буйно прорастали в головах политиков, журналистов и обычных граждан на почве неожиданно тесных и личных контактов с восточным соседом, буквально ошарашившим многих россиян своей напористостью, непохожестью

и алогичностью (в российском понимании) поведения. Сегодня, напротив, при наличии выбора между США и Китаем большинство населения, даже держа в подсознании страх перед «китайской угрозой», отдает приоритет Китаю. А нынешнее давление Запада на Россию, в основе которого лежит стремление добиться смены внешнеполитического курса, не оставляет Кремлю иного выбора, кроме как развивать и укреплять отношения с Китаем.

Аналогичным образом «поворот США к Азии» и ряд шагов Вашингтона в АТР, которые в Пекине трактуются как попытки «окружения» и «сдерживания» Китая, толкают КНР к сближению с северным соседом. Как откровенно замечают китайские эксперты, «противостоя стратегическому повороту США на восток, Китай нуждается в том, чтобы Россия выступала в роли рычага для сдерживания Соединенных Штатов Америки»³.

В результате в 2014 г. российско-китайские отношения развивались по самому невыгодному для США сценарию:

- произошло дальнейшее укрепление стратегического партнерства России и КНР, расширилось их взаимодействие по всем стратегическим направлениям, в этом взаимодействии усилились военно-политический (продвижение новой концепции безопасности через Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии — СВМДА) и «антигегемонистический» (т. е. антиамериканский) компоненты;
- осуществлялось перенацеливание энергетических потоков России на Китай (крупномасштабные и перспективные нефтяная и газовые сделки, атомная энергетика, электроэнергетика), декларировано открытие для Китая доступа к разработке углеводородов на территории России;
- Россия занимает как минимум нейтральную позицию в морских спорах Китая с Японией и странами Юго-Восточной Азии и с большой долей вероятности поддержит Китай в его подходах к решению проблемы Тайваня.

Нынешний «синоцентризм» восточноазиатской политики России в большей степени проистекает не из особых симпатий Кремля и российского населения к Китаю. С одной стороны, это реакция на умную политику Пекина, последовательно вовлекавшего Москву в орбиту своих интересов, с другой — следствие откровенно выжидательных, с оглядкой на Вашингтон, действий Токио и Сеула. Их вынужденное, хотя и крайне осторожное присоединение к антироссийским санкциям только усилило прокитайский акцент российской внешней политики. Реакцией на санкционное давление на Россию со стороны США стало также расширение и углубление межрегионального взаимодействия России и КНР на базе более широкого вовлечения Китая в освоение территориальных и природных ресурсов Сибири и российского Дальнего Востока.

В настоящее время Пекин стимулирует повышение активности не только приграничных с Россией северных и северо-восточных территорий (Хэйлунцзян, Цзилинь, Внутренняя Монголия), уже тесно завязанных на отношения с Дальним Востоком и Забайкальем, но и крупного бизнеса Шанхая и Гуанчжоу. Последний нацеливают на участие в освоении всего экономического пространства к востоку от Урала.

США неточно просчитали реакцию Пекина на события на Украине. На весах политических расчетов китайского руководства проблема сепаратизма оказалась не настолько весомой и значимой, чтобы перевесить солидарность России и Китая в противостоянии «гегемонизму США», а также преодолеть их совпадающие стремления к сохранению государственного суверенитета, построению новой архитектуры безопасности в Азии. Расчет Белого дома на неприятие любых проявлений сепаратизма в Пекине и антикитайские фобии в Москве не оправдался.

Двойное давление США — на Пекин и Москву — привело к результатам, которых в Вашингтоне, вероятно, не ожидали: ускоренному сближению России и КНР, уменьшению стратегического недоверия между ними и разрешению на этой основе ряда проблем, которые долгое время сдерживали развитие отношений, прежде всего в энергетической и инвестиционной областях. Не случайно в ноябре 2014 г. в Пекине председатель КНР Си Цзиньпин говорил о «вечнозеленом дереве российско-китайской дружбы, с которого мы уже собрали богатые плоды» и о необходимости для Пекина «сделать китайско-российские отношения приоритетным направлением внешней политики нашей страны»⁴.

Одновременно стремление Вашингтона вовлечь в антироссийский поход своих надежных союзников в Восточной Азии — Японию и Южную Корею, похоже, оборачивается не только их скрытым недовольством действиями старшего партнера, но и эрозией идеологических основ союзнических отношений.

Японский фактор

В настоящее время политика Японии в отношении России в целом и ее восточных районов в частности определяется тремя главными обстоятельствами: нерешенностью территориальной проблемы, давлением со стороны США и политикой Пекина. Последний фактор играет все более заметную роль. Страхи политической и экономической элиты и общественности Японии, озабоченных экономическими последствиями подъема Китая, сформировались к концу 1990-х годов в концепцию «китайской экономической угрозы». Наличие ядерного оружия, быстрый рост и непрозрачность военного бюджета Китая, его все более активные действия на море вызвали к жизни представление о «китайской военной угрозе». На этом фоне Токио стал серьезно задумывать-

ся об улучшении отношений с другими соседями в Азии, в частности, с Индией и Россией.

Особенно заметным в последнее десятилетие был прогрессирующий интерес Токио к восточным районам России. В его основе — задачи обеспечения национальной безопасности, угрозы которой возникают уже не на почве военно-политического противостояния с Россией, как это было на протяжении почти всего XX столетия, а обусловлены причинами невоенного свойства, преимущественно внутренними: зависимостью от внешних энергетических и продовольственных рынков, боязнью уступить в экономической конкуренции с Китаем, озабоченностью проблемами экологии Северо-Восточной Азии.

В начале 2000-х годов Токио удалось переломить настроения в российском руководстве и добиться переноса конечной точки трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан с территории Китая на побережье Японского моря. В 2007 г. Токио болезненно отреагировал на идею координации российской и китайской стратегий развития соседних территорий — восточных районов России и северо-восточного Китая, предложив выработать аналогичную программу взаимодействия соседних территорий России и Японии. Стремление убедить российскую сторону в исходящих от Китая угрозах, корыстных мотивах его активности на Дальнем Востоке прослеживаются в высказываниях японских политиков и ученых по сей день.

Весной 2014 г. Вашингтон в очередной раз продемонстрировал незаинтересованность в сближении России и Японии. Политическое давление Вашингтона на Токио привело к срыву запланированного на конец апреля 2014 г. визита министра иностранных дел Японии и большой японской экономической делегации в Россию. Не состоялся запланированный на осень 2014 г. визит президента Путина в Японию. Тем самым сведены на нет попытки премьер-министра Японии Синдзо Абэ улучшить отношения с Россией, которые он активно предпринимал вплоть до февраля 2014 г., когда присутствовал на зимней Олимпиаде в Сочи.

Как оказалось, сегодня Японии нечего противопоставить синоцентричному «повороту России на восток». Подключившись к политике санкций, Токио лишился средств влияния на Москву в «борьбе за Россию» и имеет минимум шансов не допустить полного экономического доминирования Китая на ее тихоокеанской территории, к чему он так стремился все последние годы. Однако списывать со счетов кабинет Абэ, чья партия успешно победила в декабре 2014 г. на внеочередных парламентских выборах, явно преждевременно. Япония будет продолжать свою игру в отношениях с Россией, хотя и уступая американскому давлению, но всегда держа в уме свои интересы.

Модернизация и наращивание вооруженных сил Японии, укрепляющее намерение японской политической элиты отказаться от ст. 9

Конституции страны свидетельствуют, что Токио по большому счету не рассчитывает на защиту со стороны США в случае открытого конфликта с Китаем. Экономическая зависимость США от КНР сегодня слишком глубока, чтобы Вашингтон без крайней необходимости пожертвовал отношениями с Пекином ради сохранения суверенитета Японии. А такой конфликт уже рассматривается не как гипотетическая, а вполне вероятная угроза. Токио крайне озабочен не столько ростом экономической и военной мощи КНР, сколько нынешними (острова Сенкаку) и потенциально будущими (Окинава) территориальными претензиями Пекина и его готовностью отстаивать их с помощью силы.

Предстоящее в 2015 г. празднование 70-летия победы во Второй мировой войне и войне на Тихом океане Россия и Китай планируют проводить общими усилиями. Риторика празднования, без сомнения, будет малоприятной для Японии. Трудно будет не вспомнить не только об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки американской авиацией, но и о том, что именно с благословения президента США Франклина Рузвельта СССР получил Южно-Курильские острова, которые японцы называют северными территориями.

Проблема Корейского полуострова

Крайне зыбкой становится в этих условиях и единственная общая основа для сотрудничества России и США в Азии — ядерная проблема КНДР, тем более что подходы к ее решению у Москвы и Вашингтона не совпадают принципиально. Обострение в начале 2014 г. российско-американских отношений сыграло на руку руководству КНДР, которое не преминуло воспользоваться ситуацией. В ноябре 2014 г. в Москву отправился специальный представитель Ким Чен Ына, секретарь ЦК Трудовой партии Кореи Цой Рён Хэ. Как сформулировал главный итог визита северокорейского эмиссара министр иностранных дел России Сергей Лавров, «Цой Рён Хэ передал послание Ким Чен Ына на имя Владимира Путина, в котором подтверждена нацеленность на всемерное развитие наших двусторонних связей, на сотрудничество в решении проблем, которые сейчас сохраняются на Корейском полуострове»⁵. Трудно предположить восстановление прежних отношений и влияния Москвы на Пхеньян, но их сближение в нынешних условиях становится легко прогнозируемым. Объявление перекрестного года дружбы Россия — КНДР с мая 2015 по май 2016 г. — это только начало. Если учесть, что новые инициативы по развитию прямых отношений с Пхеньяном проявляет также официальный Токио, то шансы США играть первую скрипку в решении проблем на полуострове становятся призрачными.

Данное соображение подтверждается и тем, что кризис российско-американских отношений и давление США на союзников практически

никак не сказались на отношениях между Южной Кореей и Россией. Формально попеняв Кремлю за Украину, Сеул продолжает играть свою игру, главным призом в которой остается объединение страны. 9 декабря 2014 г. в Сеуле прошел очередной российско-корейский экономический форум, в котором приняли участие более 200 высокопоставленных чиновников, дипломатов, бизнесменов, ученых и журналистов, в том числе «десант» из семи губернаторов регионов российского Дальнего Востока во главе с заместителем главы правительства России, полпредом президента по Дальнему Востоку Юрием Трутневым. Тема прежняя: участие корейского бизнеса в развитии Дальнего Востока как платформа для вовлечения Северной Кореи в трехстороннее сотрудничество. Проект набирает силу.

Тихоокеанская Россия

Малозаметен, маловлиятелен и сомнителен с точки зрения перспективы региональный фактор — сотрудничество России и США через тихоокеанскую Россию, хотя полтора десятилетия назад этот канал двусторонних отношений успешно развивался. В 1992 г. правительство США начало реализацию программы помощи российскому Дальнему Востоку, которая была нацелена на снижение стратегической угрозы западным районам США, укрепление экономических (создание базовых институтов рыночной экономики, формирование основных управленческих навыков, обеспечение малому бизнесу доступа к кредитам, содействие американской торговле и инвестициям в регионе) и политических (поощрение неправительственных организаций, независимых СМИ и институтов гражданского общества) позиций США в регионе. В 1998 г. была даже официально сформулирована «Американская правительственная стратегия для российского Дальнего Востока». Уже в начале 2000-х годов, однако, началось свертывание американского делового и гуманитарного присутствия в этой части России, причиной чему стали как общие тенденции деградации российско-американских отношений, так и сужение сферы взаимных экономических интересов в зоне Тихого океана.

Региональные экономические связи тихоокеанских территорий России и США не играют заметной роли ни для американского Запада, ни для российского Востока. В последние несколько лет доля США в объеме внешней торговли Дальневосточного федерального округа составляла от 2,2% до 2,6%, в то время как в 1995 г. она достигала 16%. США являются важным торговым партнером лишь для Чукотского автономного округа (23,1% объема торговли и 33,3% импорта) и Магаданской области (17% торговли и 27,8% импорта). Товары из США составили в 2013 г. 5,8% дальневосточного импорта (714 млн долл.), и Америка практически не покупает дальневосточные товары (0,6% объема дальневосточно-

го экспорта)⁶. Объем накопленных прямых американских инвестиций на Дальнем Востоке неуклонно сокращался и в 2013 г. оказался в пять раз меньше, чем инвестиции из Китая (247 млн долл.), составив лишь 1,7% всех накопленных прямых американских капиталовложений в России⁷. Введенные США в 2014 г. экономические санкции против России еще больше снизили эти показатели.

Американское гуманитарное присутствие и влияние в тихоокеанской России также минимально. Фактически прекратили работу американские некоммерческие и неправительственные организации на Дальнем Востоке, которых в 1990-х годах было немало. В октябре 2012 г. по всей России были закрыты представительства Агентства США по международному развитию (USAID), одно из которых работало на Дальнем Востоке и финансировало ряд программ в сфере поддержки малого бизнеса, рационального природопользования, здравоохранения, демократических инициатив и т. д. Соединенные Штаты, обладавшие высоким уровнем популярности среди дальневосточников в 1990-х годах, сегодня уступают по уровню симпатий местного населения Китаю. Большинство дальневосточников рассматривает политику Вашингтона как угрозу, не доверяет американскому правительству и не видит в США приоритетного партнера для экономического сотрудничества. Летом 2013 г. более половины жителей Дальнего Востока (55%) разделяли убеждение, что США представляют угрозу безопасности России на Тихом океане (в угрозе со стороны Китая были убеждены 50%). Китай, однако, назвали приоритетным направлением для развития сотрудничества 68% респондентов, в то время как США — в шесть раз меньше, только 11%⁸.

Проведенный осенью 2014 г. в Владивостоке и Хабаровске опрос 247 экспертов (представителей органов власти, научного и бизнес-сообщества) вообще продемонстрировал их разочарование в США и ориентацию на Китай. Симпатии к Соединенным Штатам испытывают только 2% опрошенных (к Китаю — 33%), считают необходимым развивать отношения с США 5% (с КНР — 88%), угрозу безопасности России со стороны США видят 76% (со стороны КНР — 36%).

Похоже, Вашингтон крайне скептически воспринял путинскую идею «поворота России на восток» и развития тихоокеанской России. Публикации ведущих экспертов Запада, быстро пришедших к заключению, что поворот России на восток — это «больше риторика, чем реальность» и «не столько политика, сколько болтовня»⁹, с недоверием и даже иронично воспринимающих намерения Кремля заняться развитием тихоокеанского побережья страны¹⁰, были приняты на веру. Не предполагали западные эксперты и столь быстрого сближения позиций не так давно непримиримых соперников в сфере глобальной политики и безопасности. Вашингтон, по-видимому, еще не осознал, чем чреваты для него совместные инициативы Пекина и Москвы по созданию новой архитектуры

безопасности в регионе, их по сути энергетический союз, углубляющееся взаимопонимание в вопросе о формировании евразийского партнерства, в которые они пытаются вовлечь не только Монголию и страны Центральной Азии, но и союзников США в Восточной Азии — Южную Корею и Японию. Американский бизнес вообще отворачивается от России, традиционно не замечая ее восточных районов.

Заключение

Таким образом, оценка современного уровня и характера взаимодействия России и США на Тихом океане приводит к пессимистичным выводам. Однозначно совпадающих интересов в АТР у двух держав немного: ядерное нераспространение, разрешение существующих противоречий невоенными средствами, мирное развитие Китая, да и здесь камней преткновения немало. Правда, и сфер противоречий в Азии у России и США значительно меньше, чем в Европе. В этой связи обеим сторонам, если они действительно заинтересованы в разрешении конфликта и готовы отрешиться от конфронтационного багажа эпохи холодной войны, было бы полезно поменять приоритеты и перенести акцент с европейских дел, где накопилась бездна болезненных проблем, на азиатско-тихоокеанские, хотя сегодня такой вариант представляется маловероятным.

Безусловно, немалые возможности для российско-американского сотрудничества существуют даже в нынешней напряженной обстановке. И объективно такое взаимодействие может быть выгодно и необходимо всем. Главный вопрос: заинтересован ли Вашингтон в сотрудничестве с Россией? Или из-за каких-то стратегических соображений ему выгодно наращивать напряженность? И насколько плотно Москва готова «дружить» с Вашингтоном именно на тихоокеанском направлении своей внешней политики?

Сегодня США и России нелегко сотрудничать по-крупному. Реальное стремление к взаимодействию предполагает выбор не конфронтационных проблем и поиск компромиссных решений, однако перечень сегодняшних тем, реально способных если не объединить, то хотя бы сблизить Москву и Вашингтон в Азии, по-прежнему ограничен. Существующая на Западе тенденция недооценивать, а то и вообще сбрасывать Россию со счетов в проектировании новой системы безопасности в регионе¹¹ также не способствует плодотворному диалогу сторон. При этом весомыми аргументами России сегодня являются уже не только ее историческое присутствие в АТР, насчитывающее без малого четыре столетия, мощный ресурсный потенциал Сибири и Дальнего Востока, уже идущая модернизация ее стратегического потенциала на Тихом океане. К этому можно добавить возрастание роли Арктики в мировой политике, жизненные интересы Японии и обеих Корей, связанные с Россией, а также заметно

укрепившийся в последние годы идеологический, военно-стратегический и энергетический альянс Москвы и Пекина.

Практический опыт последних двух десятилетий наглядно показал, что политические теории, выношенные в колыбели холодной войны и по инерции служащие вашингтонским политикам основой для принятия решений, сегодня работают плохо, если работают вообще. Сдержать или хотя бы затормозить рост экономической и военной мощи Китая им явно не удалось. Попытки связать его экономическими путями привели к тому, что связанным оказался сам Запад. При этом о сохранении статус-кво в АТР говорить не приходится. Оно нарушено безвозвратно. Баланс сил неуклонно меняется. Время работает в пользу неуступчивого Китая, набирающей силу Индии, сжимающейся в пружину и способной в любой момент распрямиться России. С этим смириться трудно, но игнорировать изменившийся расклад сил глупо.

Ответной реакцией на давление США и привычное для Вашингтона стремление самостоятельно, без оглядки даже на своих союзников решать вопросы обеспечения собственной безопасности на Тихом океане стали рост государственного национализма не только в Китае, но и во всей Восточной Азии, и фактически зеркальный ответ Пекина на силовую политику Запада. Полагаю, Вашингтон должно насторожить не столько сделанное в мае 2014 г. на конференции СВМДА заявление Си Цзиньпина о том, что «азиатскими делами в общем и целом должны заниматься сами народы Азии, азиатские проблемы должны решать сами народы Азии, азиатскую безопасность в конечном счете должны обеспечивать народы Азии»¹², сколько поддержка этой принципиальной позиции многими участниками саммита. Однако оставить США за бортом тихоокеанской системы безопасности значит вновь ввергнуть регион и себя самих в пучину холодной войны.

Платформу будущего российско-американского взаимодействия на Тихом океане необходимо создавать и поддерживать уже сейчас, разными средствами и на разных уровнях. В частности, хотя бы не мешать людям, организациям, территориям, которые реально заинтересованы в развитии отношений. Поддерживать средний бизнес. Восстановить гуманитарные контакты. Снизить градус публичной критики друг друга. Стимулировать академический обмен. Но главное — работать с проекцией в будущее и, осознав свою ответственность за судьбу всего Азиатско-Тихоокеанского региона и критическую роль Китая в его нынешней трансформации, совместными усилиями строить фундамент новой системы международных отношений в АТР. А для этого нужны новые подходы, учитывающие различные философии бытия, сосуществующие в регионе, и не всегда совпадающие интересы сторон.

Объективно центральным вопросом современной повестки дня на Тихом океане является обеспечение безопасного развития региона

во всех его измерениях: военном, экономическом, гуманитарном, экологическом и пр. Надежной платформой для выработки безопасного курса такого развития способен стать константный трехсторонний диалог России, КНР и США на разных уровнях и в различных форматах — от академических дискуссий и форумов специалистов-практиков до встреч на высшем уровне, от трехсторонних консультаций до многосторонних международных конференций. Оптимальной площадкой для такого диалога в силу его географии и истории является Владивосток, территория в определенной степени нейтральная даже для Москвы, а в глазах всей Азии являющаяся символом российского присутствия в АТР. Успешно проведенные в этом городе в последние несколько лет крупные международные мероприятия от Саммита АТЭС (сентябрь 2012 г.) и Парламентского саммита АТЭС (январь 2013 г.) до встречи мэров городов побережья Японского моря (июль 2013 г.) и международной научной конференции «Безопасность в АТР в XXI веке», инициированной Московским Центром Карнеги (октябрь 2012 г.), показали, сколь продуктивным может быть международный диалог в месте, где сама история соединила Европу с Азией. Такой диалог, будучи регулярным, откроет путь для создания структур и режимов поддержания безопасности, предотвращения возникновения традиционных и невоенных угроз, борьбы с природными и техногенными катастрофами.

Далеко не исчерпаны возможности обмена позитивным опытом внутреннего развития. Американский опыт децентрализации власти и бизнеса — самый приемлемый формат обеспечения ускоренного развития тихоокеанской России. Не уверен, что США готовы поделиться этим опытом, не навязывая свои модели и подходы втемную, а адаптируя их к местным условиям и российскому менталитету. Да и россияне с большой настроенностью относятся к рекомендациям из-за океана. Но попробовать стоит. Многовариантность развития и проявления гражданского общества, механизмы взаимоадаптации европейских и азиатских этносов и культур, предотвращение межнациональной розни — темы, актуальные не только для России, Китая, государств Корейского полуострова, но и для Соединенных Штатов.

События последних лет и даже дней убедительно показали, что война, даже идущая далеко от дома, может коснуться каждого. На нашей планете существует куда большее зло, чем непримиримые амбиции двух держав. В 2015 г. мир будет отмечать 70-летие окончания жестокой войны, в которой СССР и США были союзниками, оставаясь при этом яростными идеологическими противниками. Нынешняя обстановка в мире должна побудить нас хотя бы попытаться извлечь уроки из не столь далекого и трагического прошлого, чтобы не повторять своих же ошибок в будущем.

Примечания

- 1 Доля Дальневосточного федерального округа в общем объеме российско-американской торговли составила в 2013 г. 3% (870 млн из 27,7 млрд долл.), а в российском экспорте в США – 1,4% (156 млн из 11,2 млрд долл.). На Дальний Восток в этом году поступило 48 млн из 2,8 млрд (менее 2%) прямых инвестиций США в России (<http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>).
- 2 *Paal D. H.* Obama is back in Asia // <http://carnegieendowment.org/2014/11/06/obama-is-back-in-asia>.
- 3 Annual Report on Northeast China = 中国东北地区发展报告. — 北京, 社会科学文献出版社, 2014. — P. 317.
- 4 习近平会见俄罗斯总统普京. 2014/11/09 = Встреча Си Цзиньпина с президентом России Путиным // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1208880.shtml.
- 5 <http://ria.ru/world/20141120/1034318680.html>.
- 6 <http://dvtu.customs.ru>.
- 7 Объем накопленных инвестиций США в Дальневосточном федеральном округе сократился с 2007 по 2014 гг. в три раза, со 175 до 59 млн долл., а накопленных прямых инвестиций — со 135 до 48 млн (<http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>).
- 8 *Ларин В. А., Ларина А. А.* Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. — 2014. — № 2. — С. 13—15.
- 9 *Hill F., Lo B.* Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East // <http://www.foreignaffairs.com/articles/139617/fiona-hill-and-bobo-lo/putins-pivot?page=show>.
- 10 *Blank S.* At a Dead End: Russian Policy and the Russian Far East // *Demokratizatsiya*. — 2009. — Spring. — Vol. 17, № 2. — P. 122—144.
- 11 Например, по мнению известного британского аналитика Рекса Ли, «самыми влиятельными силами, определяющими динамику безопасности и будущее развитие региона, являются Китай, США и Япония». Россия оставлена «за скобками». См.: *Li R.* National Identity and Changing Great Power Relations in the Asia-Pacific: Is a Cold War Emerging? // *The ASAN Forum*. — 2013. — July—Aug. — Vol. 1, № 1 (<http://www.theasanforum.org/national-identity-and-changing-great-power-relations-in-the-asia-pacific-is-a-cold-war-emerging/>).
- 12 习近平: 积极树立亚洲安全观 共创安全合作新局面2014/05/21 (*Си Цзиньпин*. Активно строить систему безопасности в Азии, совместными усилиями создавать новую ситуацию в сфере сотрудничества в области безопасности) // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1158070.shtml.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги, основанный в 1994 г. Фондом Карнеги за Международный Мир, — исследовательская организация, в рамках которой ведущие российские эксперты совместно с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги имеют возможность изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики, международных отношений. Московский Центр Карнеги является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественно-политической жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основная задача которой — содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги за Международный Мир на протяжении более чем ста лет своей деятельности занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Фонд Карнеги за Международный Мир является первой глобальной научно-исследовательской организацией с отделениями в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе, Соединенных Штатах Америки. Фонд Карнеги первым в мире воплотил в жизнь идею о том, что в современных условиях экспертно-аналитической организации, задачей которой является содействие глобальной безопасности, стабильности, процветанию, необходимо иметь постоянные отделения в других странах и использовать межнациональный подход в качестве основополагающего принципа своей деятельности. В сегодняшнем мире, где постоянно усиливаются взаимозависимость и взаимосвязанность глобальных проблем, роль такой организации особенно актуальна.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

**ТИХООКЕАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
КОЛЛИЗИИ XXI ВЕКА**

Виктор Ларин

Редактор А. Иоффе
Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин
Фотограф Timbakееv

Подписано к печати 12.02.2015
Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3,5
Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна
Россия, 125040, Москва,
Ленинградский проспект, 11-28
classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935 8904
Факс: + 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»
129090, Москва, Протопоповский переулок, д.6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

 МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru